

Иоанн Златоуст

**Беседы к антиохийскому
наподу, переведенныя с
греческого при
Санктпетербургской
духовной академии**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И75

И75 **Иоанн Златоуст**
Беседы к антиохийскому наподу, переведенныя с греческого при Санктпетербургской духовной академии: Том 2 / Иоанн Златоуст – М.: Книга по Требованию, 2021. – 618 с.

ISBN 978-5-518-09239-6

ISBN 978-5-518-09239-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Это происходитъ отъ того, что они во все остальное время безъ мѣры предаются забавамъ, роскоши и пьянству. Если бы мы всѣ прочіе дни постарались проводить честно и скромно, то и прошедшій постъ полюбили бы, и наступающій приняли бы съ большимъ удовольствіемъ. Ибо какого блага нѣтъ намъ отъ поста? Вездѣ тишина и чистая ясность; и дома не свободны ни отъ шума, бѣготни и всякой тревоги? Но прежде еще домовъ, душа постящихся вкушаетъ спокойствіе; да и городъ весь являетъ такое же благоустройство, какое бываетъ въ душѣ и въ домахъ: ни вечеромъ не слышно поющихъ, ни днемъ шумящихъ и пьянствующихъ; (не слышно) ни крику, ни драки, но вездѣ видно великое спокойствіе. А теперь не такъ, но съ самаго ранняго утра—крикъ, шумъ, и бѣганье поваровъ, великой чадъ, какъ въ домахъ, такъ и въ душахъ, отъ того, что забавами поджигаются внутри насъ страсти и раздувается пламень порочныхъ вожделѣній. Поэтому должны мы жалѣть о прошедшемъ постѣ, ибо онъ всѣ эти (страсти) обуздывалъ; и пусть самый трудъ поста мы сложили съ себя, зато не прекратимъ любви къ нему, и не изгладимъ памяти объ немъ. Когда ты, пообедавъ и отдохнувъ, выйдешь на площадь, и увидишь, что день склоняется къ вечеру; то, войдя въ эту церковь, и приступивъ къ этому жертвеннику, вспомни о времени поста, въ которое церковь полна была

народа, и у всѣхъ было сильное желаніе слушать (поученія), великая радость и мысль бодрая; представивъ все это, вспомни о тѣхъ вождельныхъ дняхъ. Хочешь ли сѣсть за столъ, принимайся за пищу съ этимъ воспоминаніемъ (о постѣ), и никогда не впадеши въ невоздержаніе. Кто имѣетъ жену степенную, цѣломудренную и благородную, и питаетъ къ ней пламенную любовь; тотъ и въ ея отсутствіи не можетъ полюбить женщину развратную и распутную, потому что любовь къ первой занимаетъ душу его и не позволяетъ войти въ нее другой страсти. Такъ бываетъ и съ постомъ и съ невоздержаніемъ: если будемъ помнить о первомъ — благородномъ и цѣломудренномъ, то последнее—эту публичную блудницу и мать всякаго безстыдства, то есть, невоздержаніе, отгонимъ отъ себя весьма легко, потому что любовь къ посту, сильнѣе всякой руки, отталкиваетъ безстыдство невоздержанія. По всему этому, прошу, будемъ всегда содержать въ умѣ тѣ дни. Но чтобы и мнѣ, съ своей стороны, содѣйствовать такому воспоминанію, постараюсь и нынѣ предложить тотъ же предметъ, который тогда еще располагался я рассмотреть, чтобы самое сходство поученія было для насъ нѣкоторымъ напоминаніемъ о томъ времени. Вы, можетъ быть, забыли объ немъ, такъ какъ у насъ съ тѣхъ поръ было уже много бесѣдъ о другихъ предметахъ. Ибо, по случаю возвращенія

отца ¹⁾ изъ дальняго путешествія, необходимо было рассказать все, происходившее въ столицѣ; послѣ того бесѣдовать съ язычниками, чтобы ихъ, какъ сдѣлались онѣ отъ несчастія лучшими и обратились къ намъ отъ языческаго заблужденія, достаточно утвердить и научить, какого избѣжали они мрака, и какого достигли свѣта истины; за тѣмъ, въ теченіе многихъ дней праздновали мы въ честь мучениковъ; и не прилично было намъ, бывши при гробахъ мучениковъ, уйти безъ похвальныхъ словъ, подобающихъ мученикамъ. За этими похвальными словами слѣдовало увѣщаніе о клятвахъ: когда увидѣли мы, что всѣ сельскіе жители пришли въ городъ, то рѣшились преподать имъ это напутствіе, и такъ отпустить всѣхъ ихъ отъ насъ. ²⁾

2. Поэтому, для васъ не легко было бы пересказать тогдашнее наше разсужденіе съ язычниками, а я, который постоянно упражнялся въ томъ, и имѣлъ это своимъ занятіемъ, весьма легко могу припомнить все содержаніе словъ,

¹⁾ Епископа Флавіана, котораго возвращеніе послужило для Св. Златоустаго поводомъ сказать въ день Пасхи 19-ю бесѣду къ антиохійскому народу—по случаю низверженія царскихъ статуй. См. Христ. Чт. 1848. Декабрь.

²⁾ Разумѣется здѣсь бесѣда, произнесенная, какъ думаютъ, въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ, которая называлась: *хиріахи тѣс епископовъ*. Эта бесѣда въ изд. Монфор. том. 2. помѣщена въ ряду бесѣд. Злат. по случаю низверж. стат. подъ № XIX, и надписывается: «*τη χηριαχη τῆς ἐπισκοπικῆς*, къ сельскимъ жителямъ, и о томъ, чтобы не клясться».

и повторить вамъ вкратцѣ то, что тогда сказа-
но. Какой же былъ у насъ предметъ? Мы из-
слѣдовали ¹⁾, какъ Богъ отъ-начала промышлялъ
о родѣ человѣческомъ, и научилъ (насъ) полез-
ному тогда, какъ еще не было писемъ, и не
дано было Писаніе; мы доказали, что Онъ руко-
водилъ насъ къ Богопознанію чрезъ созерцаніе
природы. Взявши насъ тогда, не за руку, но за
умъ, я водилъ по всему творенію, показывая
небо, землю и море, озера, источники, рѣки и
великія моря, луга и сады, цвѣтушія жатвы,
обильныя плодами деревья, и вершины горъ,
покрытыя лѣсами. Много тогда говорилъ я и о
сѣменахъ, и о травахъ, и о цвѣтахъ, и о расте-
ніяхъ—плодоносныхъ и неплодныхъ; и о жи-
вотныхъ—кроткихъ и дикихъ, живущихъ въ
водѣ, на землѣ и земноводныхъ; о летающихъ
въ воздухѣ и пресмыкающихся по землѣ, и о
самыхъ стихіяхъ вселенной. И какъ умъ нашъ
былъ не въ состояніи постигнуть безпредѣль-
ное богатство (природы) и объять вселенную,
то мы все вмѣстѣ восклицали о каждомъ тво-
реніи: *яко возвеличишася дѣла твоя, Господи;
вся премудростію сотворишь еси* (Псал. 91, 6).
Впрочемъ мы удивлялись премудрости Божіей,
не по множеству только (тварей), но и по слѣ-
дующимъ двумъ (причинамъ): что (Богъ) со-

¹⁾ См. Хр. Чт. 1848. Авг. бесѣд. по случ. низверж. стат. VIII, IX и X.

здалъ природу прекрасною, великою и удивительною, и что положилъ на всемъ видимомъ много признаковъ ея слабости; первое (сдѣлалъ) для того, чтобы внушить взирающимъ (на природу) удивленіе къ Его премудрости и привлечь ихъ къ служенію себѣ, а послѣднее для того, чтобы созерцающіе красоту и величіе твореній, оставивъ Создателя, не стали, вмѣсто Его, поклоняться вещамъ видимымъ, такъ какъ усматриваемая въ нихъ слабость можетъ отклонить ихъ отъ такого заблужденія. И о томъ, какъ вся природа тлѣнна, какъ она преобразится въ лучшей видъ и достигнетъ большей славы, также—когда, почему и для чего она сдѣлалась тлѣнною, обо всемъ этомъ мы любомудрствовали тогда съ вами; показали могущество Божіе и изъ того, что Онъ въ тѣлахъ тлѣнныхъ явилъ такую красоту, какую даровалъ имъ въ началѣ,—красоту звѣздъ, неба, солнца. И подлинно, удивляться надобно, какъ онѣ въ теченіе столь многихъ лѣтъ не потерпѣли ничего такого, что (терпятъ) наши тѣла, не ослабѣли отъ старости, и не потеряли крѣпости отъ какой-либо болѣзни и немощи, но постоянно сохраняютъ свѣжесть и красоту, которую, какъ я выше сказалъ, Богъ даровалъ имъ въ началѣ; какъ и свѣтъ солнечный не изсякъ, и блескъ звѣздъ не померкъ, ясность неба не утратилась, предѣлы моря не подвились, не истощилась и сила земли—приноситъ ежегодно плоды. Что все это тлѣнно, мы дока-

зали и изъ ума и изъ священнаго Писанія; а что—прекрасно, свѣтло и всегда сохраняетъ свой цвѣтушій видъ, въ этомъ ежедневно удостовѣряетъ взирающихъ собственное ихъ зрѣнiе; почему въ особенности и должно удивляться Богу, создавшему это такъ въ началѣ. А какъ противъ этихъ разсужденій нашихъ нѣкоторые тогда возражали: «значить, человекъ хуже всего видимаго, когда тѣло неба, земли, солнца и всѣхъ звѣздъ существуетъ столько времени, а онъ чрезъ семьдесятъ лѣтъ разрушается и погибаетъ;» на это мы скажемъ во первыхъ, что это животное (человекъ) разрушается не все; благороднѣйшая и существеннѣйшая часть его — душа остается навсегда безсмертною, не подлежа ни одному изъ этихъ недуговъ, а тѣнiе касается только нисшей части его. Во вторыхъ, и это самое служить намъ къ большей чести; ибо не просто и не безъ всякой причины мы подвергаемся старости и болѣзнямъ, но справедливо и для нашей пользы: справедливо потому, что мы впали въ грѣхъ; для нашей пользы, т. е. чтобы посредствомъ этихъ несовершенствъ и слабостей искоренили мы гордость, происходящую въ насъ отъ безпечности. Итакъ Богъ попустилъ это не съ тѣмъ, чтобы унижить насъ: еслибы Онъ хотѣлъ унижить (насъ), то не оставилъ бы нашу душу безсмертною. Но и не по безсилію сотворилъ Онъ такимъ наше тѣло: если бы Онъ былъ безсиленъ, то не могъ бы и небо, звѣзды

и тѣло земли сдѣлать столь долговѣчными; а (сотворилъ такимъ тѣло наше) для того, чтобы сдѣлать насъ лучшими и благоразумнѣйшими, и болѣе покорными Ему, отъ чего зависитъ все наше спасеніе. Онъ не создалъ неба подверженнымъ ни старости, ни другимъ какимъ-нибудь подобнымъ слабостямъ; потому что оно, бывъ лишено свободнаго произвола и души, не можетъ ни грѣшить, ни исправляться; отъ того и не имѣетъ нужды въ такомъ исправленіи. А насъ, одаренныхъ умомъ и душою, необходимо было посредствомъ этихъ несовершенствъ обратитъ къ кротости и смиренномудрію, такъ какъ и въ началѣ первый человѣкъ прежде всего впалъ въ гордость. Иначе, еслибы небо создано было подобно нашимъ тѣламъ и такъ же старѣлось, многіе стали бы обвинять Создателя въ слабости, якобы Онъ былъ не въ состояніи сохранить одно тѣло въ теченіе многихъ вѣковъ; между тѣмъ теперь, когда Его созданья пребываютъ столько времени, отнять у нихъ и этотъ поводъ (къ обвиненію). А сверхъ того, что сказано,—судьба наша не окончится здѣсь, но послѣ того, какъ мы хорошо вразумимся въ настоящей жизни, тѣла наши воскреснутъ въ большей славѣ, будутъ свѣтлѣе неба, солнца и всего прочаго, и перейдутъ въ высшее состояніе.—Итакъ, одинъ способъ Богопознанія состоитъ въ (разматриваніи) всей природы; другой, не менѣе важный, заключается въ совѣсти, и

его изложили мы тогда ¹⁾ обширно, доказавъ, какъ познаніе добра и зла намъ врожденно и какъ данная намъ совѣсть внушаетъ все это. Такъ, у насъ отъ начала были эти два учителя—природа и совѣсть, и оба они, не произнося словъ, учили людей безмолвно. Природа, поражая зрителя видомъ своимъ, возбуждаетъ въ немъ удивленіе къ ея Создателю; а совѣсть, своими внутренними внушеніями, научаетъ всему, что должно дѣлать. Силу ея и рѣшеніе суда (ея) мы узнаемъ по самому лицу (человѣка). Когда обличаетъ она во грѣхъ внутренно, то покрываетъ и виѣшній видъ смущеніемъ и великою скорбію. Она дѣлаетъ насъ блѣдными и робкими, когда мы впадемъ въ какой-либо гнусный проступокъ; и хоть голоса (совѣсти) мы не слышимъ, однакожь по виѣшнему виду замѣчаемъ внутреннее негодованіе (ея).

3. Кромѣ этихъ двухъ, говорили мы, промысломъ Божиимъ намъ данъ еще и третій учитель, уже не безмолвный, какъ первые, но такой, который настраиваетъ душу нашу словомъ, увѣщаніемъ и совѣтами. Кто-же онъ? Это—родной каждаго отецъ. Богъ для того и вложилъ въ родителей любовь къ намъ, чтобы въ нихъ мы имѣли наставниковъ въ добродѣтели. Не одно рожденіе дѣлаетъ отцомъ, но хорошее обра-

¹⁾ См. Хр. Чт. 1848. Сент. бесѣд. по случ. низверж. ст. XI и XII.

зованіе дѣтей; и не ношеніе во чревѣ дѣласть матерью, но доброе воспитаніе. Что это справедливо,—что не природа, а добродѣтель дѣласть отцами, это подтвердятъ намъ сами родители. Они часто, какъ увидятъ, что сыновья ихъ сдѣлались негодными и развратными, отсѣкаютъ ихъ отъ своего родства, отказываются отъ нихъ, и усыновляютъ себѣ другихъ, часто ни съ какой стороны не близкихъ къ нимъ. Что-же можетъ быть страннѣе этого, когда (родители) отвергаютъ тѣхъ, кого родили, и принимаютъ, кого не родили? Не просто сказано это нами, но чтобы зналъ ты, что свободная воля сильнѣе природы, и что она-то, болѣе, чѣмъ эта, дѣлаетъ и сыновьями, и отцами. И это было дѣломъ промысла Божія; что Онъ и не попустилъ, чтобы дѣти лишены были естественнаго расположенія (къ нимъ родителей), и; опять, не все предоставилъ этому расположенію. Если бы родители любили своихъ дѣтей отнюдь не по естественной необходимости, а только за ихъ нравы и добрые поступки; то увидѣлъ-бы ты многихъ дѣтей изгнанными изъ домовъ родительскихъ за свою небрежность и родъ нашъ разстроеннымъ. Опять, если бы (Богъ) все отдалъ во власть природы и не попустилъ родителямъ ненавидѣть и злыхъ дѣтей, напротивъ отцы, и будучи отъ нихъ оскорбляемы и терпя тысячи непріятностей, по естественной необходимости оставались-бы ласковыми къ оскорбляю-

щимъ ихъ дѣтямъ: тогда родъ нашъ дошелъ-бы до крайняго нечестія. Если дѣти и нынѣ, когда не могутъ вполне положиться на природу, но знаютъ, что многіе, сдѣлавшись негодными, лишились и дома и наслѣдія отцовскаго, часто однакожь, въ надеждѣ на любовь родителей, оскорбляютъ ихъ: то до какого нечестія не дошли-бы они, еслибы Богъ не предоставилъ родителямъ и гибнать на дѣтей, и наказывать ихъ, и отгонять отъ себя, когда они дѣлаются злыми? Посему-то Богъ ввѣрилъ любовь родителей и необходимости природы, и нравамъ дѣтей, чтобы они (родители) и были снисходительны къ неважнымъ погрѣшностямъ дѣтей, какъ побуждаетъ ихъ къ тому природа, и злыхъ и неисцѣльно-больныхъ не укореняли-бы во злѣ преступнымъ потворствомъ, когда бы опять природа одолѣвала и могла заставить ихъ ласкать и негодныхъ дѣтей. Сколько, скажи мнѣ, попечительности въ этомъ, что (Богъ) и повелѣлъ (родителямъ) любить (дѣтей), и положилъ мѣру этой любви; и, опять, опредѣлилъ награду за доброе воспитаніе дѣтей? А что награда за это назначена не только мужьямъ, но и женамъ, послушай, какъ Писаніе во многихъ мѣстахъ говоритъ и этѣмъ и о тѣхъ, и этѣмъ не меньше, какъ и мужьямъ. Павелъ, сказавъ: *жена же прельстившися въ преступленіи бысть, присовокупила: спасется же заородія ради* (1 Тим. 2, 14). То-есть, ты скорбишь, говорить, о томъ, что первая